

Вторичное использование тюркских аристократических мемориалов (Археологические заметки на полях орхонского атласа, изданного в Казахстане)¹

И.Л. Кызласов

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

(E-mail: kyzlasovil@mail.ru)

ARTICLE INFO

Ключевые слова:

Тюркские каганаты, поминальные комплексы, мемориалы знати, их почитание и использование, семейные тамги, атлас, каганат, балбалы.

МРНТИ 03.41, 03.09.25, 03.81.51

DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2022-4-23-34>

АННОТАЦИЯ

В 2005-2006 гг. в Астане профессорами Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева Мырзатаем Жолдасбековым и Каржаубаем Сарткожаулы был издан атлас мемориалов Тюркских каганатов VI-VIII вв., сохранившихся на землях Монголии. Он включил в себя не только стелы с высеченными на них письменами, но и их археологическое и ландшафтное окружение. Такое сводное издание создало новые возможности для научной работы. В частности выяснилось, что эти памятники многократно посещались современниками и потомками, а также повторно использовались ими. На мемориалах Кюль-тегина и Кошо-Цайдам III вторично использованы изваяния, извлеченные из иных поминальных комплексов, принадлежавших предшествующему времени. Правда, они не принадлежали к культуре народа тюрков и на новом месте не изображали умершего или лиц его окружения, а послужили простыми балбалами. Но на поминальнике Эрдэнэмандал V строительным материалом стала плита с рунической надписью, взятая с раннего тюркского памятника. При перестройке под новый мемориал в Унгету не разрушили предшествующий и использовали его изваяния. Стелы Онгинского комплекса, несущие надписи и семейные тамги, свидетельствуют: его использовали для увековечивания памяти деда, отца и внука. Плита со сценой поминального пира в Асхете позднее дополнена рунической надписью по борту, затем – вырезанной в углу личной тамгой. Посещения мемориалов Второго Восточнотюркского каганата, позднее их создания доказывают семейно-личные тамги, но это тема отдельного исследования.

Received 25 September 2022. Revised 28 September 2022. Accepted 15 October 2022. Available online 30 December 2022.

For citation:

I.L. Kyzlasov Secondary use of Turkic aristocratic memorials (Archaeological notes on the margins of the Orkhon atlas published in Kazakhstan) // Turkic Studies Journal. – 2022. – Vol. 4. – №4. – P. 23-34. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2022-4-23-34>

Для цитирования:

И.Л. Кызласов Вторичное использование тюркских аристократических мемориалов (Археологические заметки на полях орхонского атласа, изданного в Казахстане) // Turkic Studies Journal. – 2022. – Т. 4. – №4. – С. 23-34. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2022-4-23-34>

¹ Работа выполнена в рамках Государственного задания Института археологии РАН № НИОКТР 122011200266-3.

75-летию профессора Каржаубая Сарткожаулы
и 20-летию Научно-исследовательского института
тюркологии и алтаистики
Евразийского национального университета
имени Л.Н. Гумилева

Введение

Редко где, как в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева, была создана специальная тюркологическая лаборатория эпиграфики, с годами возросшая до Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики. Редко где, как в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева, был создан специальный Музей тюркской письменности. Так примечательно для тюркологической науки начался в столичном университете Казахстана XXI век. Такой энергичной новаторской деятельностью воздал за радушный приём в его светлых стенах неутомимый исследователь Каржаубай Сарткожаулы, получивший среди единомышленников простор для творчества и продолжения своих многолетних трудов.

Среди них наиболее широкое значение, быть может, имеет серия целенаправленно и упорно подготовленных и изданных больших атласов памятников древнейшей у тюркских народов письменности, традиционно называемой рунической. Надо думать, что в Казахстане и ряде других тюркоязычных стран они имеют широкую известность. Однако в доступных мне академических изданиях встречается немного откликов на эти важные для науки фолианты.

На этих страницах обратимся к начальному выпуску многотомной серии. Прошедшие с тех пор годы лишь яснее показали значение таких книг, создаваемых и выпускаемых под эгидой Евразийского национального университета, носящего имя Л.Н. Гумилева».

Новизна первого Орхонского атласа

Со времен академика В.В. Радлова в тюркологической науке содержащие руны памятники более 100 лет не издавались в подобных атласах, включающих в себя не только стелы с высеченными на них письменами, но и их археологическое и ландшафтное окружение¹. Эти составившие том данные получены, прежде всего, долгими полевыми исследованиями, проводившимися в Монголии Каржаубаем Сарткожаулы (по ранним исследованиям, издававшимся в Улан-Баторе, давно знакомым тюркологам как С. Харжаубай).

Подход казахских тюркологов к источникам поистине всемирного значения не копирует издания их великого предшественника (Радлов, 1892-1899) или знаменитый финский атлас А. Гейкеля (Inscriptions, 1892). Новизна тома заключена в том, что он включает, кроме указанного, фотографические и выполненные по оригиналам графические воспроизведения всех известных письменных памятников преемственно связанных раннесредневековых государств народа тюрков, независимо

¹ Далее в отсылках текста указан только год издания каждого Атласа: (2005:...; 2006:...).

от использованной системы письма и языка (брахми и согдийского, орхонского рунического и китайского иероглифического). Тем самым в изданных в Астане книгах впервые нераздельно представлено многообразие официальной письменной культуры каждого из Тюркских каганатов в целом (Кызласов И.Л., 2020).

Следовательно, название обсуждаемых книг выдвигает Орхон не только в качестве столь привычного для рунологов специально ограниченного палеографического понятия, но и ставит его в ряд конкретных историко-политических категорий. Для этого, несомненно, есть все основания. Наукой до сих пор не осмыслена во всей историко-политической и, как следствие, историко-культурной полноте намеренная преемственность расположения в одной и той же речной долине столичных центров как II Восточнотюркского, так и уничтожившего его Уйгурского каганата. Вслед за этим предстоит, пожалуй, также обдумать и причины возведения там монгольского Каракорума.

Материалы и методы исследования

В изложении материала мною использован метод структурного анализа, предполагающий рассмотрение отдельных компонентов и даже их составных элементов. Именно использование этого метода позволяет вычлнить из разнообразия аналитических обзоров конкретный сюжет: факты хронологически разновременных включений, дополнений, уточняющих многие аспекты духовной и политической культуры древних тюрков.

Изучение и интерпретация источников, представленных в Атласе, основаны на сравнительно-историческом методе. Рассмотрены длительные во времени и масштабные по территориальному охвату материалы культовых мемориалов ряда раннесредневековых государств с центром на реке Орхон.

Не занимаясь специально орхонскими камнеписными текстами, я оставляю в стороне весьма значительную филологическую часть тома, содержащую выполненные по подлинникам и прокомментированные с учетом всей существующей историографии новые авторские прочтения и переводы как древнетюркских рунических, так и китайских иероглифических монументов. Не стану рассматривать также предваряющие Атлас и выраженные в комментариях к нему историческую и историко-филологическую концепции авторов, положения которых я, выступив редактором русского текста, естественно, сохранил в полной мере, но, принадлежа к иной научной школе, не разделяю.

Считаю необходимым привлечь внимание археологов-востоковедов и историков культуры Евразии к тем возможностям нового анализа, казалось бы, давно известных памятников, которые впервые предоставляет нам Атлас казахских исследователей. Ради демонстрации этого, ограничусь только одним сюжетом, хотя и заметить, и обсудить можно многое.

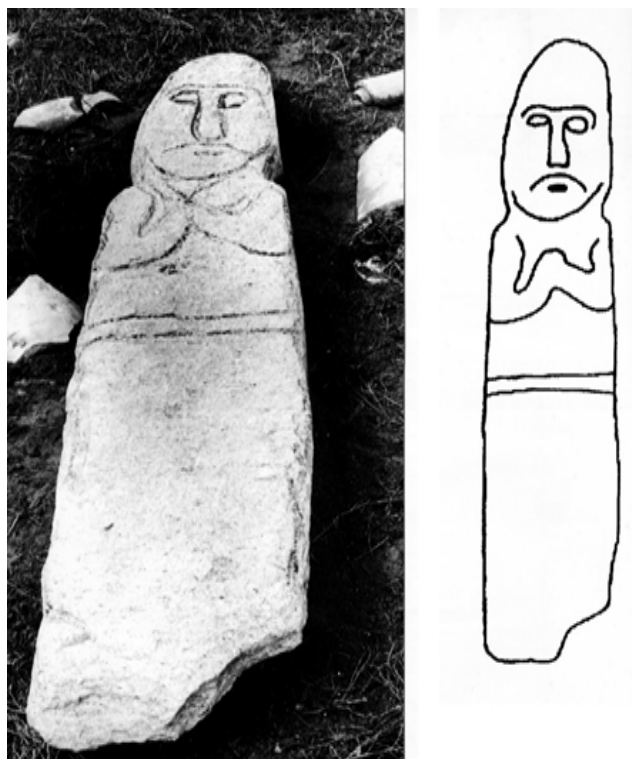
Анализ

Использование памятников VI-VII вв. в первой половине VIII века

Материалы раскопок в Туве уже позволили мне высказать мысль о возможном вторичном использовании поминальных памятников народа тюрков, созданных в VI-VIII вв. (квадратных оградок и изваяний), самими же тюрками в более позднее время

– в IX-X вв. (Кызласов, 1998)². Ныне изданные в Астане атласы позволяют думать, что подобное отношение к памятникам собственных предков было свойственно тюркам уже и в предшествующую эпоху II Восточнотюркского каганата (682-745 гг.). В ряде случаев, обсуждаемых ниже, речь идет о переиспользовании (иногда неоднократно) бывших мемориалов своих прямых, кровных предков, т.е., по-современному говоря, о существовании семейных поминальных комплексов, бытовавших не одно поколение.

Явным признаком культурной и, как можно полагать, хронологической неоднородности компонентов некоторых памятных комплексов служит использование в них поразному созданной поминальной скульптуры. Так, в знаменитом мемориале Кюль-тегина наряду с прекрасно высеченными полнообъемными скульптурами самого князя, его супруги, сановников и виночерпия, а также фигур сакральных баранов (всего 13 изображений) (2005: 151-163, 169-173, сур. 23-32, 36-38; 2006: илл. 117-130, 136-138) встречены и 4 весьма условных плитчатых и столбообразных изваяний, имеющих лишь резные или выполненные в невысоком рельефе изображения только лиц либо еще пары рук да пояса (2005: 164-169, сур. 33-36; 2006: илл. 131-135) (рис. 1).

Рис. 1. Мемориал Кюль-тегина. Изваяние 11
(по М. Жолдасбекову, К. Сарткожаулы, Атлас. 2006, с. 164, илл. 131)

² Для Тувы и Алтая давно установлено, что в это время и позднее оградки вторично употреблялись не только по прямому поминальному их назначению, но и для иных различных целей, например, для совершения захоронений. Однако эти случаи мною не рассматриваются, поскольку случаи такого использования не относятся к культуре народа тюрков, а принадлежат иному населению (Кызласов Л.Р., 1969: 32; Могильников, 1981: 35).

Такие несложные в исполнении памятники умершим типичны для великого множества рядовых поминальников тюрков VI-VIII вв., в которых они стоят к востоку от простых квадратных оградок. Появление в аристократическом мемориале этих каменных баб, явно художественно чуждых прочим его монументальным элементам, неожиданно. Это появление возможно объяснить лишь вторичным использованием изваяний иного поминального комплекса, принадлежавшего предшествующему времени. К тому же положение рук, сложенных на груди, как у одной такой скульптуры, не свойственно классическим древнетюркским изваяниям VI-VIII вв.

Показательно в этом отношении и расположение таких простых изваяний на памятнике Кюль-тегина: они стояли перед платформой основного комплекса в качестве первых балбалов (как это было со скульптурами 11 и 12) или размещались в стороне от основной оси мемориала (скульптура 14) (2005: 116; 2006: 128, 129).

Подобную ситуацию встречаем и в значительно более простом мемориальном комплексе Кошо-Цайдам III, где перед оградкой из высоких плит («саркофагом») ныне сохранилось 3 антропоморфных изображения и фигура барана. Наряду с двумя объемными скульптурами (2005: 206, 207, 210, сур. 1, 2, 6; 2006: илл. 157, 161) и изваянием стоящего человека, выполненном в иной манере (2005: 208, 209, сур. 3-5; 2006: илл. 160), здесь вкопана и простая каменная баба с изображением одного лишь лица и пары прижатых к груди рук (2006: илл. 158)³ (рис. 2).

Рис. 2. Мемориал Кошо-Цайдам III. Изваяние 2
(по М. Жолдасбекову, К. Сарткожаулы, Атлас. 2006, с. 210, илл. 158)

³ В издании 2006 г. подписи под илл. 158 и 160 перепутаны. К сожалению, при верстке русского варианта Атласа был изменен и первоначальный порядок некоторых иллюстраций, что вызвало расхождение с номерами, указанными в тексте книги.

В то время как полнообъемная скульптура сидящего человека воспроизводит самого умершего, простые изваяния вновь оказываются расположены в начале балбального ряда. Размещение изваяний, проиллюстрированное фотографиями (2006: илл. 154, 156), подтверждает и план этого комплекса, изданный В.Е. Войтовым (1996: рис. 18). Им также опубликован план мемориала Кошо-Цайдам IV (не вошедшего в казахские тома), из пояснений к которому следует, что началом ряда балбалов в нем послужил оленный камень – тип скульптуры позднего бронзового и раннего железного веков, распространенный в центральноазиатских землях (Войтов, 1996: рис. 19).

Этот случай, без сомнения, также выявляет традицию вторичного использования тюрками стоявших в степи скульптур предшествующего времени.

Для подтверждения культурного явления, замеченного благодаря Атласу, обратимся к другой литературе, посвященной тюркским аристократическим мемориалам.

Единственной собственно археологической работой, обобщающей материалы по аристократическим мемориалам тюрков, поныне остается книга В.Е. Войтова (1996). При раскопках, проведенных им вместе с монгольским археологом Д. Баяром, была прослежена двухслойность памятника Унгету. Это указывает на вторичное использование тюрками для сооружения своего поминального комплекса площадки раннего мемориала Унгету I, предположительно отнесенного археологами к 40-м гг. VII в. Перестройка вызвала не только разрушение, но и переиспользование многих компонентов предшествующего мемориала. В том числе и бывших на нем изваяний и балбалов (Войтов, 1996: 31, 32, рис. 13, 24). Этому памятнику было оправданно посвящено отдельное исследование (Войтов, 1987).

Следующий несомненный факт вторичного использования тюркского мемориала – Онгинский комплекс, также получил подробное изучение, в результате которого сложилось мнение о сооружении на памятнике отца монумента для его сына (Войтов, 1989; 1996: с. 32, рис. 16). Существование на Онгине особого семейного пантеона, использовавшегося неоднократно, показано во всем убедительно и сомнения вызывать не может. Однако взаимоотношение поколений, отмеченных стелами с надписями, как и относительная хронология разных элементов комплекса, могут быть уточнены на основании рассматриваемых тамговых знаков мемориала.

Еще один явный случай вторичного использования элементов раннего поминального комплекса предоставляет Эрдэнэмандал V (Войтов, 1986: 82-84, рис. 6, 2, 3, 5, 9; 1996: 51, рис. 37, 69, 1), известный со времен Д.А. Клеменца под именем Ихэ-Ханын-нор (Кляшторный, 1978; 2003: 253-256; изваяния фото на с. 262 так поставлены лишь в 1981 г.). Здесь одна из боковых стенок каменного ящика оказалась частью разбитой плиты более раннего подобного сооружения. Судя по крупному сквозному отверстию, она первоначально служила покрытием. О том говорят известные аналогии, относящиеся к первой трети VIII в.

На лицевой стороне восточной плиты «саркофага», в верхней части разрушенной уже к моменту открытия памятника учеными в 1891 г., сохранились нижние фрагменты двух рунических надписей, выполненных старшим орхонским алфавитом⁴. Хотя

⁴ Тюркское изваяние, помещенное вопреки раннесредневековому канону внутри поминального ящика Эрдэнэмандал III, видимо, также перемещено с первоначального места перед оградкой. Возможно, это произошло поздно, и было сделано уже монгольским населением, поклонявшимся этим древностям – см.: (Войтов, 1986: 78, 79, рис. 4-6, 1).

С.Г. Кляшторный дважды издал прорисовки Б. Бамбаева (1927 г.), но его собственная фотография правых строк надписи (2003: 264) противоречит курсивности знаков, отраженных старыми воспроизведениями и рисунком В.Е. Войтова (1986: рис. 6, 5), отличаясь от них в деталях. Так или иначе, но ныне все имеющиеся материалы, включая атлас В.В. Радлова (1892-1899), позволяют считать оба фрагмента остатками общего текста, совпадающего в палеографических и орфографических особенностях.

Широко известная плита подобного каменного ящика в Асхете также несет явные следы вторичного, возможно, неоднократного посещения и использования (Радлов, 1892: табл. XV, 2, XXVI, 3; 1896, табл. LXXXIV, 1, 2; Кызласов Л.Р., 1964: 34, рис. 2; Войтов, 1996: рис. 67).

Рис. 3. Мемориал Асхете. Плита с поминальным пиром
(по Войтову, 1996, с. 111, рис. 67)

Надписи не хватило места на общей площади, она вырезана на двух уцелевших частях бортика рельефа и от его угла меняет направление строки (рис. 3). Тамга, начинающая семейное древо рода Ашина (Кызласов И.Л., 2021: 261, рис. 7, 1), также нанесена на плите позднее: она теснится меж первоначальных изображений. По облику этот гербовый знак принадлежит если не самому Эльтериш-кагану, то его поколению. Следовательно, сама плита со сценой поминального пира была создана в VII в., ранее последней четверти этого столетия.

Еще более ранние скульптуры (оленные камни) оказались, по данным С.М. Дудина, вторично использованы у другой тюркской оградки на р. Хануй – предположительно, у Эрдэнэмандал IV. Если это так, древние изваяния служили менгирами, т.к. остатки сидящей скульптуры, изображавшей самого умершего, были здесь обнаружены раскопками 1981 г. (Войтов, 1986: 79, 80).

Полученные результаты

Издание атласов нового типа, как мы видели, создало возможности для сопоставления разных компонентов как составляющих каждый из больших мемориалов II Восточнотюркского каганата, так и находящихся в разных памятных комплексах этого государства. Оказалось, что не все эти составляющие были созданы во время сооружения самих мемориалов. Часть из них, прежде всего изваяния определенного вида, была перемещена с более ранних подобных объектов и вторично использована. Важно обратить внимание на то, что такому повторному применению были подвергнуты не только скульптуры, относящиеся к иным предшествующим культурам Монголии, но и какие-то собственно тюркские объекты, сооруженные уже с использованием орхонской рунической письменности.

Выводы

Поднятая тематика не исчерпывается рассмотрением затронутых материалов. Другим показателем вторичного использования тюрками более ранних мемориалов своих предков служат тамги. Они даже позволяют видеть, что такое переиспользование осуществлялось членами той же семьи. Во всяком случае, Онгинский мемориал оказался семейным комплексом на протяжении четырех или пяти поколений. В том убеждают различия тамговых знаков, вырезанных на разных элементах памятника: вершинах двух стел, главном балбале и одном изваянии (2006: илл. 63, а-г, 78, 81, 1). Достаточно выстроить геральдические знаки памятника с учетом их графического усложнения (Кызласов И.Л., 2021: рис. 7, 2, 5-7), как становится ясно, что руническая надпись была создана в память последнего из представителей этой семьи.

Рассмотрение ситуации с тамгами, нанесенными на части мемориалов II Восточнотюркского каганата позднее их создания – тема отдельного исследования. Эту работу также позволяют провести, не выходя из кабинета, полученные многолетними полевыми изысканиями и изданные в Астане атласы.

Литература

Войтов В.Е., 1996. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в кульгово-поминальных памятниках Монголии VI-VIII вв. М.: Изд-во Гос. музея Востока. 152 с.

Войтов В.Е., 1987. Каменные изваяния из Унгету // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. Москва: Наука, Глав. редакция вост. лит.-ры. С. 92-109.

Войтов В.Е., 1989. Онгинский памятник. Проблемы культуроведческой интерпретации. Советская тюркология. 3. С. 34-50.

Войтов В.Е., 1986. Древнетюркские памятники на Хануе. Советская археология. 4. С. 74-89.

Жолдасбеков М., Сартқожаұлы Қ., 2005. Орхон ескерткіштерінің толық атласы. Астана: Күлтегін. 360 с.

Жолдасбеков М., Сарткожаулы К., 2006. Атлас орхонских памятников. Астана: Күлтегін. 360 с.
Кляшторный С.Г., 1978. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (К интерпретации Ихэ-Ханын-норской надписи) // Тюркологический сборник. 1974. Москва: Наука, Глав. редакция вост. лит-ры. С. 238-255.

Кляшторный С.Г., 2003. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филолог. факультет СПбГУ. 560 с.

Кызласов И.Л., 1998. Результаты раскопок поминальных оградок могильника Эдегей (Факты вторичного использования древнетюркских оградок VI-VIII вв. в раннем средневековье) // Древности Алтая. Известия лаборатории Горно-Алтайского государственного университета. 3. Горно-Алтайск: ГАГУ. С. 143-165.

Кызласов И.Л., 2021. Корни башкирской геральдики: аристократические тамги тюркских государств раннего средневековья // Башкиры в контексте междисциплинарных исследований тюркских народов Евразии. Материалы научной сессии по этнической истории и антропологии башкир. Уфа: Самрау. С. 254-267.

Кызласов И.Л., 2020. Современные основы тюркской руники. Turkic Studies Journal. № 2. С.6-14.

Кызласов Л.Р., 1964. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей. Советская археология. № 2. С. 27-39.

Кызласов Л.Р., 1969. История Тувы в средние века. М.: Изд-во Москов. ун-та. 211 с.

Могильников В.А., 1981. Тюрки // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. Москва: Наука. С. 29-43.

Радлов В.В., 1892-1899. Атлас древностей Монголии. Вып. 1-4 / Труды Орхонской экспедиции. СПб.: Типография Имп. АН. 296 с.

Inscriptions, 1892. Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise 1890 et publiées par la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors: Imprimerie de la Société de Littérature Finnoise. L+48+66+1.

Reference

Vojtov V.E., 1996. Drevnetyurkskij panteon i model' mirozdaniya v kul'tovo-pominal'nyh pamyatnikah Mongolii VI-VIII vv. [The ancient Turkic pantheon and the model of the universe in the cult-commemorative monuments of Mongolia in the 6th-8th centuries]. Moscow: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo muzeya Vostoka. 152 p. [in Russian].

Vojtov V.E., 1987. Kamennye izvayaniya iz Ungetu [Stone statues from Ungetu]. In: Central'naya Aziya. Novye pamyatiki pis'mennosti i iskusstva. Moscow: Nauka, Glav. redakciya vost. lit-ry. P. 92-109. [in Russian].

Vojtov V.E. 1989. Onginskij pamyatnik. Problemy kul'turovedcheskoj interpretacii [Onginsky monument. Problems of cultural interpretation]. Svetkaya tyurkologiya. 3. P. 34-50. [in Russian].

Vojtov V.E., 1986. Drevnetyurkskie pamyatniki na Hanue [Ancient Turkic monuments in Hanua]. Sovetskaya arheologiya. 4. P. 74-89. [in Russian].

Zholdasbekov M., Sartkozhauly K., 2005. Orhon eskertkishterinin tolyk atlasy [Complete atlas of Orkhon monuments]. Astana: Kultegin. 360 p. [in Kazakh].

Zholdasbekov M., Sarthozkauly K., 2006. Atlas orhonskih pamyatnikov [Atlas of Orkhon monuments]. Astana: Kultegin. 360 p. [in Russian].

Klyashtornyj S.G., 1978. Hram, izvayanie i stela v drevnetyurkskih tekstah (K interpretacii Ihe-Hanyn-norskoj nadpisi) [Temple, statue and stele in ancient Turkic texts (On the interpretation of the Ikhe-Khanyn-Nor inscription)]. In: Tyurkologicheskij sbornik. 1974. Moscow: Nauka, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury. P. 238-255. [in Russian].

Klyashtornyj S.G., 2003. Istoriya Central'noj Azii i pamyatniki runicheskogo pis'ma [History of Central Asia and monuments of runic writing]. Saint-Petersburg: Filologicheskij fakul'tet Sant-Peterburg GU. 560 p. [in Russian].

Kyzlasov I.L., 1998. Rezul'taty raskopok pominal'nyh ogradok mogil'nika Edegej (Fakty vtorichnogo ispol'zovaniya drevnetyurkskih ogradok VI-VIII vv. v rannem srednevekov'e) [The results of excavations of the funeral enclosures of the Edegey burial ground (Facts of the secondary use of the ancient Turkic enclosures of the 6th–8th centuries in the early Middle Ages)]. In: Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii Gorno-Altajskogo gosuniversiteta. 3. Gorno-Altajsk: GAGU. P. 143-165. [in Russian].

Kyzlasov I.L., 2021. Kornj bashkirskoj geral'diki: aristokraticheskie tamgi tyurkskih gosdarstv rannego srednevekov'ya [The roots of Bashkir heraldry: aristocratic tamgas of the Turkic states of the early Middle Ages]. In: Bashkiry v kontekste mezhdisciplinarnyh issledovanij tyurkskih narodov Evrazii. Materialy nauchnoj sessii po etnicheskoi istorii i antropologii bashkir. Ufa: Samrau. P. 254-267. [in Russian].

Kyzlasov I.L., 2020. Sovremenniye osnovy turkskoi runiki [Modern foundations of the Turkic runic]. Turkic Studies Journal. № 2. P. 6-14. [in Russian].

Kyzlasov L.R., 1964. O naznachanii drevnetyurkskih kamennyh izvayanij, izobrazhayushchih lyudej [On the purpose of the ancient Turkic stone sculptures depicting people]. Sovetskaya arheologiya. 2. P. 27-39. [in Russian].

Kyzlasov L.R., 1969. Istoriya Tuvy v srednie veka [On the purpose of the ancient Turkic stone sculptures depicting people]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 211 p. [in Russian].

Mogil'nikov V.A., 1981. Tyurki [Turks]. In: Arheologiya SSSR. Stepi Evrazii v epohu srednevekov'ya. Moscow: Nauka. P. 29-43. [in Russian].

Radlov V.V., 1892-1899. Atlas drevnostej Mongolii [Atlas of Antiquities of Mongolia]. Vol. 1-4. Trudy Orhonskoj ekspedicii. Saint-Petersburg.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk. 296 p. [in Russian].

Inscriptions, 1892. Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise 1890 et publiées par la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors: Imprimerie de la Société de Littérature Finnoise. L + 48 + 66 + 1.

И.Л. Кызласов

Ресей Ғылым академиясының археология институты, Мәскеу, Ресей Федерациясы

(E-mail: kyzlasovil@mail.ru)

Түркі ақсүйектері ескерткіштерінің қайта пайдаланылуы

(Қазақстанда басылып шыққан Орхон атласы беттеріндегі археологиялық жазбалар)

Аннотация. 2005-2006 жылдары Астана қаласында Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессорлары Мырзатай Жолдасбеков пен Қаржаубай Сартқожаұлы тарапынан

Моңғолия жерінде сақталған VI-VIII ғасырлардағы Түркі қағанаттары мемориалдарының атласы жарияланды. Атласта жазулары қашалған стелалар (тасбағандар) ғана емес, олардың археологиялық және ландшафттық мәдениеті де қамтылды. Мұндай жиынтық басылым ғылыми жұмыс үшін жаңа мүмкіндіктерге жол ашқаны сөзсіз. Сонымен қатар бұл ескерткіштерге өз замандастары мен ұрпақтары сан мәрте келгені, ескерткіштерді қайта пайдаланғаны анықталды. Күлтегін мен Хошо-Цайдам III мемориалдарында олардың заманына дейінгі кезеңге тиесілі өзге де жерлеу кешендерінен алынған тас мүсіндер қайтадан пайдаланылғандығы белгілі болды. Шындығында олар түркі халықтары мәдениетіне тиесілі емес және жаңа орында марқұмды немесе оның айналасында болған адамдарды бейнелемеген, жай ғана балбал қызметін атқарған. Дегенмен Эрдэнэмандал V жерленген жерде құрылыс материалы ретінде көне түркі ескерткіштерінен алынған руникалық жазуы бар тақта қолданылған. Унгәтудегі жаңа мемориалды қайта тұрғызу кезінде бұған дейінгі кешен бұзылмай, тек оның балбал тастары пайдаланылған. Онгин кешенінің жазулары мен отбасылық таңбалары бар стелалары оның ата, әке және немере есімдерін мәңгі есте қалдыру үшін пайдаланылғанын растайды. Асхеттегі жерлеу рәсімі бейнеленген тақтайшаның бүйірі кейінірек руникалық жазумен, содан соң бұрышы ойық жеке таңбамен толықтырылған. Екінші Шығыс Түрік қағанаты мемориалдарына олар тұрғызылғаннан кейінгі уақытта адамдар барып тұрғанын отбасылық және жеке таңбалар дәлелдейді, бірақ бұл – бөлек зерттеудің тақырыбы.

Кілт сөздер: Түрік қағанаттары, жерлеу кешендері, ақсүйектердің ескерткіштері, оларды қастерлеу және пайдалану, отбасылық таңбалар, атлас, қағанат, балбал тастар.

I.L. Kyzlasov

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

(E-mail: kyzlasovil@mail.ru)

Secondary use of Turkic aristocratic memorials

(Archaeological notes on the margins of the Orkhon atlas published in Kazakhstan)

Abstract. In 2005-2006 in Astana, professors of the L.N. Gumilyov Eurasian National University Myrzatay Zholdasbekov and Karzhaubay Sartkozhauly published an atlas of memorials of the Turkic Khaganates of the 6th-8th centuries, preserved on the lands of Mongolia. It included not only stelae with inscriptions carved on them, but also their archaeological and landscape surroundings. Such a consolidated edition created new opportunities for scientific work. In particular, it turned out that these monuments were repeatedly visited by contemporaries and descendants, and also reused by them. At the memorials of Kul-tegin and Koshu-Tsaidam III, statues taken from other memorial complexes that belonged to the previous time were reused. True, they did not belong to the culture of the Turk people and in the new place did not depict the deceased or his entourage, but served as simple balbals. However, at Erdenemandal V's commemoration, the building material was a slab with a runic inscription, taken from an early Turkic monument. When rebuilding for a new memorial in Ungetu,

the previous one was not destroyed and its statues were used. The steles of the Ongin complex, bearing inscriptions and family tamgas, testify that it was used to perpetuate the memory of a grandfather, father, and grandson. The slab with the scene of the funeral feast in Askhete was later supplemented with a runic inscription on the side, then with a personal tamga carved in the corner. Visits to the memorials of the Second Eastern Turkic Khaganate later than their creation prove family and personal tamgas, but this is a topic for a separate study.

Keywords: Turkic Khaganates, memorial complexes, nobility memorials, their veneration and use, family tamgas, atlas, Khaganate, balbals.

Сведения об авторе:

Кызласов Игорь Леонидович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии Российской академии наук, 117252, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация.

Scopus ID 57191727444

Автор туралы мәлімет:

Кызласов Игорь Леонидович, тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ортағасырлық археология бөлімінің жетекші ғылыми қызметкері, Археология институты, Ресей ғылым академиясы, 117252, Дм. Ульянов к., 19, Мәскеу, Ресей Федерациясы.

Scopus ID 57191727444

Information about author:

Kyzlasov Igor Leonidovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Department of Medieval Archaeology, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 117252, Dm. Ulyanova, str., 19, Moscow, Russian Federation.

Scopus ID 57191727444